

МЕРЫ ЗЕМНОЙ ОКОЛЕСИЦА...

Из «Поучений Пта Хотепа»

Переполнилась Долина Царей.
Из Чертанова метро на Луксор
(прислониться не хватает дверей)
отменяет расстояний засор.

Пограничная погрешность среды.
Переправа необузданных тел.
Нераспавшаяся участь орды –
след простыл, понеже дух отлетел.

Добираемся до сути Времен
перегонами казенных пустот
и неважно, кто кому гегемон,
прозелит или забытый рапсод.

Все подземки – артефакт, палимпсест,
пирамида катакомбной сети.
Возвращаемся домой, как Рамзес,
с пересадками на Млечном Пути.

* * *

Блядью последней, как ижица,
буду из парка Чаир –
на представлениях зиждется
несуществующих мир.

Выйду не хуже предателя
нечеловеческих мук.
Липой раствора и шпателя
выложен остов наук.

Речь – записная скиталица,
в лоб приговоры и в зад.
По срамоте обретається
незаживающий взгляд.

След оборота урочного,
плоти конечный ушив –
облачко безоболочного
в небе устройства души.

Смысл расставания (саммита)
от сотворения наг,

равенства заживо – замертво
непостижимого знак.

Света всегдашняя праздница,
даже неравно ни зги,
время – сложения разница
междуусобной лузги,

меры земной околесица,
правды чужой ремесло.
Радуга лучшая лестница
для перехода в число –

ниже, на уровне, выше же,
дюже, зело и весьма –
всех окончательно выживших,
по существу, из ума.

* * *

Я не вместо, а зверем входил, обращенным, в клетку
подворотни глухой, под засовный скрежет
до утра перетихшей трамвайной ветки,
между прежним посредником и тем, что брезжит.
Между городом и переходом его же в область
мифологии, даром, когда самому за двести
в пересчете на вечность, где время давно не образ
течки, но переменная сути на ровном месте.
И не локти, а ломти кусал своего позора,
и не в воду глядел, а следил за порядком бедствий
первородных – за каждым аврал «из какого сора»,
аппетиты растут и берется «Великий Гэтсби».
Вместо якоря лишнее слово пытался бросить
на бумагу, что стерпит земных поражений мелочь.
На стене проступает неловкой побелки проседь,
за оградой витает разбитой дороги немочь.
Эликсир неразбавленный к ночи меняют ракурс,
виноградный излишек точнее стрельбы по целям.
Переплавленный в дружбу сырок знаменует закуску,
Перечитанный – «Все, что я слышал» – пугает Целан.
Жестяной барабанит октябрь по оглохшей крыше,
за покоем полей – ледниковых кочуют орды,
перед долгим прощанием с теми, кто был, да вышел,
пономарь благодарности с Гиннесом бьет рекорды.

* * *

Дубровник. Публика в обойме
зажатых улочек. Осип
от крика выпавший из бойни
на чей-то жребий Царь Эдип.

По непроверенным, подкидыш,
отказник, висельник, шпана –

шляя истории на вытяжь —
хоть вежды выколи, темна.
Причина прежняя — ошибки
больших писак и наш отказ
вглядеться в свежие подшивки
изображений Иокаст.

Софокла вечная премьера
поочную цыганит течь,
включая страхи маловеера
и зуб на эллинскую речь

в сюжетный скарб. Под лунным срезком
развязки близится подкоп.
Подстрочник на хорватско-сербском
в расход выводит фильмоскоп

на стену вместе с мотыльками.
Молчит Зевес, как истукан,
по Фрейду разводя руками
от Пиренеев до Балкан.

* * *

Круглым, как даты, чья норма двойная,
ночи, как счеты, сводя,
крутит динамо нагая Даная,
ждет золотого дождя.

Ждет-не дождется, к досаде, осадки
в Греции чаще редки,
метеосводки на точность не падки,
на перепады легки.

Стены глухие, как евнухи к плоти,
мысли темней, чем рабы.
Если б не промахи старых полотен,
их толмачей, да кабы

не одолел арсенал ауспиций
с гущей кофейных примет.
Пиццу клюют на обочине птицы,
пифии сходят на net.

Если б мадьярка на берег Дуная
вышла под новый мотив,
не родила б дискобола Даная,
мир не пришелся б на миф.

* * *

Поэт в России больше, чем омлет
из двух яиц на блюде постпространства
известного, где ныне дух гражданства
горой за мух отдельно от котлет.

Тому, чей знак поставлен на поток
Неравенства, свободного от братства,
отпущены халдейство и пиратство,
приписки и зачистки между строк,

семь пятниц на неделе, а в году,
неделя без которого – в эфире
мочить подряд, а не молить о лире,
поскольку перелирие во рту.

Поэт в России большой раритет,
чем трезвенник, но многоточье зрений
стирается за фокусом нацпреми
и плавно переходит в нацфуршет.

Династическое письмо

Письма династии Минь –
длинных традиций дань,
чисто: «Проверено, мин
нет», и цветет миндаль.
В золоте клетки сад,
в трелях лукавит птах
с креном на адресат
(не заводной, а так).
К прутьям привит вьюнок,
стража второй из лун
дремлет без задних ног,
что ей учитель Кун.
Часом неровен флирт
сонных мужей и лис.
Четками сыт нефрит,
голоден в чеках рис.
Правилам несть числа
без исключений, от
первых людей весла
до отщепенцев вод.
Лавой по край земли
поиск идет врага,
в тысячу тысяч ли
разнствуют берега.
Стены – удел границ.
Люди, опасней мин,
брошены чохом ниц
на алтари. Аминь.

* * *

Не пишется. А так – ни с чем и ниоткуда.
В расчете на одни, другие наживать
долги. Мелькнет во сне надежда-барракуда,
и липкий, как июль, с ногами на кровать
случится страх. Беда по ведомству Гефеста,
античный адюльтер, языческий роман.

С огнем под облака пошаливает феста,
под именем своим скрывается обман.
Не там ли, где болид стремится на подмогу
желаниям зевак, по скорости змеясь,
постигшая себя «пустыня внемлет Богу»
и звезды заодно налаживают связь.
Счастливой, как зима, чьи песни по привычке
наигрываешь ты на дольках тростника,
не там ли, отворив соцветия кавычки,
сбывается апрель – настройщик языка.
Попытки наугад нуждаются с лихвою
в подробностях о том, что до и после нас,
от басен пастухов про Дафниса и Хлою
до баек про потоп и прочий ватерпас.
Легенд невпроворот в запасе у патрона
небес. Аперитив похож на валидол,
пока официант, посыльный Посейдона,
морских осколков блеск не выложит на стол.

* * *

Минутная заминка, как цитата
из хроник уцелевших внеземлян.
Действительность – последняя заплата
на месте, умножающем изъян.
Вчерашнее поделено на скорость
утечки информации вельми.
Покамест голова не расколослась
от боли, одиночество прими
как есть. И поношения от сердца
мотай себе на ус и не тужи,
когда страна в бреду тирановерца,
прикинься по возможности чужим.
По мере умножения напраслин,
малейший выгораживай предлог.
Три Короля заглядывают в ясли,
как пастухи, не здесь ли Бэби Бог.

* * *

С боем на дно пробиваются сваи.
Город обжит рекой.
К нам без труда охладели трамваи,
снятые как рукой.
Прозвища улиц, одежды и лица
вкривь разошлись и вкось.
Целые жизни по случаю длиться
приноровились врозь.
Дни на крыло, как газетные утки,
встали – поди сочти.
Злые с годами играютя шутки –
Дантовы щели чтив.
В сговоре с Музой любая деза,
не отыскать укром.
Самое время язык подрезать
чинным, как нож, пером.